

М. А. Живлов[†], Н. Ю. Живлова[‡]

[†] РГГУ; [‡] МГУ (Москва); zhivlov@yandex.ru

The precursors of Proto-Indo-European: The Indo-Hittite and Indo-Uralic hypotheses, Лейден, Leiden University, 9—11 июля 2015 г.

9—11 июля 2015 года в Лейденском университете состоялась конференция «Предшественники праиндоевропейского: индохеттская и индоуральская гипотезы» (The precursors of Proto-Indo-European: The Indo-Hittite and Indo-Uralic hypotheses).

Первый день конференции открылся докладом М. Кюммеля *Thoughts about pre-PIE Stop Systems*. Докладчик рассмотрел доводы за и против недавно выдвинутой А. Клуххорстом теории, согласно которой традиционная реконструкция праиндоевропейских смычных как **t* (глухие) / **d^h* (звонкие придыхательные) / **d* (звонкие) должна быть реинтерпретирована как **tt* (сильные) / **t* (слабые) / **ʔt* (глоттализированные). Анатолийские языки, по этой гипотезе, сохраняют противопоставление **tt* vs. **t*, а все остальные ветви праиндоевропейского претерпели общую инновацию — переход **t* > **d* (> **d^h* в отдельных языках) и **tt* > **t*. По мнению Кюммеля, из двух возможных сценариев (переход **t* > **d* и **tt* > **t* в «узкоиндоевропейском» или переход **t* > **tt* и **d* > **t* в анатолийском) только второй подтверждается данными диахронической типологии: переход **t* > **tt* и **d* > **t* засвидетельствован, например, в верхненемецких диалектах. Напротив, практически нет бесспорных примеров позиционно обусловленного озвончения **t* > **d*. Это значит, что предложенный Клуххорстом сценарий развития индоевропейских смычных не может быть использован как довод в пользу индохеттской гипотезы.

Сам М. Кюммель предложил следующую интерпретацию праиндоевропейских смычных: вместо оппозиции **t* / **d^h* / **d* нужно восстанавливать **t* / **d* / **d'*, т. е. индоевропейские «звонкие» интерпретируются как имплозивные. Для «узкоиндоевропейского» (Core Indo-European) предполагаются переходы *d* > *d^h* (> *t^h*) и *d'* > *d*. Такой сдвиг имел место в ряде австроазиатских и тайских языков. Реконструкция для праиндоевропейского имплозивных смычных, для которых характерна диахроническая связь с сонантами, заставляет по-новому взглянуть на возможные фонетические соответст-

вия между праиндоевропейским и прауральским. Докладчик обращает внимание на ряд лексических параллелей, в которых индоевропейским «звонким» = имплозивным смычным соответствуют уральские **l*, **m*, **n*, **ŋ* и **ŋ*: ПИЕ **sed-* ‘сидеть’ — ПУ **säla-* ‘сесть’, ПИЕ **med-* ‘мерить, думать’ — ПУ **mäla* ‘ум’, ПИЕ **dek-* ‘принимать, воспринимать’ — ПУ **näka-* ‘видеть’, ПИЕ **jeg-i/o-* ‘лед’ — ПУ **jäŋa* ‘лед’.

М. Лопухаа в докладе *Prehistory of the Anatolian 'ergative'* обратился к вопросу о происхождении так называемого анатолийского эргатива на **-ant-* — формы, которая используется, когда имена среднего рода должны выступать в роли агенса при переходном глаголе. Можно проследить развитие этой формы в анатолийских языках от словообразовательного суффикса, образовывавшего имена общего рода от имен среднего рода, до настоящего показателя эргативного падежа (эта последняя стадия была достигнута в новохеттском). Как известно, в неанатолийских индоевропейских языках агент среднего рода при переходном глаголе маркируется обычным окончанием ном.-асс. **-om*. Возникает вопрос, как обстояло дело в праиндохеттском — общем предке всех индоевропейских языков, включая анатолийские. Возможны два сценария. По первому из них, в праиндохеттском эту роль выполняло окончание **-om*, вытесненное в анатолийском «индивидуализирующим» суффиксом **-ont-*. Согласно другому сценарию, в праиндохеттском, как и в праанатолийском, имя среднего рода не могло функционировать как агент переходного глагола. Собственно индоевропейские языки обобщили в этой роли окончание **-om*, в то время как в анатолийских языках для этой цели стал употребляться суффикс **-ont-*, образовывавший имена общего рода от имен среднего. По мнению докладчика, второй сценарий выглядит правдоподобнее, хотя остается неясным, как в праиндохеттском выражались семантические агенты среднего рода. Если верен второй сценарий, то

неанатолийские индоевропейские языки демонстрируют общую инновацию, которая может быть доводом в пользу индохеттской гипотезы; в то же время эта инновация достаточно тривиальна и не может быть сильным аргументом в вопросе о классификации индоевропейских языков.

Анатолийским языкам был посвящен и доклад Э. Рикен *More on "Western Affinities" of Anatolian*. О «западных» связях анатолийских языков говорили с самого их обнаружения; в 1961 году А. Камменхубер причисляла хеттский к «западной» группе наряду с италийскими, кельтскими и тохарскими языками; того же мнения придерживался и Я. Пухвел (*West-Indo-European Affinities of Anatolian*, 1994). Последним вкладом в разработку этой тематики явился доклад К. Мелчерта (2012), который предложил ряд изоглосс, объединяющих «западные» языки с анатолийскими, в том числе 27 корневых этимологий. Э. Рикен пересмотрела некоторые из изоглосс в списке Мелчерта с целью выяснить, действительно ли они могут считаться доказательством особой близости этих языков. По мнению Э. Рикен, многие из этих изоглосс являются скорее архаизмами, чем признаками особого родства анатолийских и «западных» языков. В первую очередь, это окончание медиопассива-статива **-r* (анатолийские, кельтские, италийские, тохарские, фригийский язык), которое в других ветвях заменяется на **-i*. То же можно сказать и о местоимении **k^wi* / **k^wo-*, которое употреблялось как относительное местоимение уже в праиндоевропейском и не может быть «западной» инновацией. Косвенная форма личного местоимения 2 л. мн. ч. **us-wé* содержит частицу **-wé*; таким образом, такие местоимения, как др.-ирл. *sí*, ср.-валл. *chwi*, гот. *izwis*, хетт. *šimāš* восходят к **us-wé*, а в «восточном» индоевропейском **-wé* было заменено на **-mé* по аналогии с местоимениями первого лица. Отдельные морфологические элементы (словообразовательные суффиксы) и характер ударения (силовой в кельтском, германском, италийском и анатолийском vs. мелодический в балто-славянском, греческом и индоиранском) также не могут служить решающими критериями в выделении «западной» группы. Отдельно Э. Рикен остановилась на частицах, в частности, на хеттском и лувийском *imta* ‘вернее’ и латинском *immō* ‘вернее’, которые, по ее мнению, не могут быть возведены к единой праформе: хетт. *imta* < **id-mō* либо из **im* + **mō* в постпраиндоевропейский период (т. к. кластер *-im-* не подвергся упрощению); лат. *immō* < **im* + **mō*. Не может служить «западной» изоглоссой и другая частица: иероглифическое лувийское *k^wirpa* ‘ко-

нечно, понимается’, лат. *quippe* ‘конечно, понимается, еще бы’, греч. τίπτε ‘почему же?’ < **k^wid-pe*. Как отметила Э. Рикен, во всех рассматриваемых языках эта лексема представляет собой семантически прозрачное сложение, и здесь также можно говорить скорее не о западной «изоглоссе», а об инновации восточных языков (утрата **-pe*). «Западной» лексемой не может считаться и сочетание **k^wi* + **neh^m*, которое встречается в латинском *quīnam* ‘который же?, какой же?’ и лидийском *nā-qī* ‘кто бы ни, как бы ни’, поскольку в дочерних языках порядок слов обратный и процесса грамматикализации не наблюдается. Неудачным примером докладчица считает также и сочетание морфем **kom* ‘вместе’ и **peu-* ‘делить’ > ‘считать’, о котором писал К. Мелчерт и которое отражается в хеттском *kappūwela-* ‘считать, пересчитывать’ и латинском *computāre* ‘считать’, поскольку деривационная история хеттского и латинского слов не совпадает. Э. Рикен приходит к выводу, что положительных доводов в пользу особых связей между анатолийскими и «западными» языками пока не имеется.

Доклад А. Клухорста *The Indo-Hittite hypothesis: methods and arguments* был посвящен вопросу о месте, которое занимают внутри индоевропейской семьи анатолийские языки. Можно задаться вопросом о соотношении потомков праиндохеттского, т. е. «классического» индоевропейского и праанатолийского: особенности какого из них представляют собой инновацию, какого — архаизмы? Хотя твердое доказательство в данном случае вряд ли возможно, задачей исторической лингвистики является именно оценка вероятности той или иной гипотезы. Клухорст приводит ряд примеров, в которых данные анатолийских языков противостоят остальным индоевропейским. Первый пример — местоимение 2 л. ед. ч.: ПИЕ **túH* vs. ПАН. **tí*. Сценарий развития классической индоевропейской формы в анатолийскую построить в принципе можно, но вероятность такого развития составляет, по мнению докладчика, 10%. Второй пример — винительный падеж от слова **d̥ieus* ‘бог’. В «классическом» индоевропейском ожидаемая форма **d̥ieum* в результате действия закона Станга перешла в **d̥iēm*. В хеттском мы имеем форму *šim*, которая может говорить о том, что в анатолийском закон Станга не действовал, но может быть и результатом влияния других падежных форм. В данном случае вероятность обоих сценариев примерно равна. Третий пример — развитие системы смычных согласных (см. изложение гипотезы Клухорста выше, в пересказе доклада М. Кюммеля). Здесь Клухорст считает вероятность общей

инновации в «классическом» индоевропейском очень высокой — 80—90%. Четвертый пример — из области диахронической семантики: корень **mer-* означает в индоевропейских языках ‘умирать’, в анатолийских же ‘исчезать’. С точки зрения докладчика, развитие семантики «исчезать» → «умирать» более вероятно, чем обратное (ср. франц. *Il a disparu* ‘он исчез’, ‘он умер’). В целом индохеттская гипотеза выглядит более вероятной.

В. Миланова в докладе *The Proto-Indo-European kinship terms in *-ter and Anatolian* попыталась выявить первоначальную семантику индоевропейских имен родства с суффиксом **-ter*. Как известно, имена с этим суффиксом практически отсутствуют в анатолийских, в частности, в хеттском языке: их место занимают «детские» слова, такие как *attaš* ‘отец’, *annaš* ‘мать’, *huhhaš* ‘дед’. При этом можно указать на хеттский термин ^{MUNUS}*duttarijatali-* — скорее всего, производное от ИЕ обозначения ‘дочери’ с суффиксом принадлежности (**d^hugh₂tér-* + **-ieh₂*). Это название, возможно, заимствованное из лувийского, обозначает некую женщину, участвовавшую в обрядах. По мнению докладчицы, это может говорить, что изначально термины родства на **-ter* обозначали взрослого человека, прошедшего посвящение, участвовавшего в определенных обрядах и являвшегося полноправным членом общества (отец, мать, дочь, брат, ятровь). Слова же, обозначающие ‘сына’ (**suH-nu-* / **suH-iō-* ‘рожденный’; **pu-tlo-* ‘маленький’), применялись к несовершеннолетним детям; не исключено, что первоначально они относились не к людям, а к животным.

Ф. Кортландт в докладе *Indo-European o-grade presents and the Anatolian hi-conjugation* представил свою концепцию происхождения анатолийского *hi*-спряжения. По этой концепции, в состав глаголов *hi*-спряжения вошли первоначальные перфекты, новые перфекты, созданные на основе производных презенсов, и переходные тематические глаголы с нулевой ступенью в корне (тип вед. *tudāti*). В этом последнем типе нулевая ступень в корне была по аналогии заменена полной ступенью, причем это произошло еще на той стадии, когда в безударной позиции, кроме нулевой, была допустима только *o*-ступень. В результате появились презенсы с *o*-ступенью в корне (тип лат. *molō*), вошедшие в анатолийском в состав *hi*-спряжения. Можно считать, что все непроизводные глаголы *hi*-спряжения происходят из таких презенсов, что согласуется с их семантикой (только три из них имеют семантику, характерную для первоначального перфекта).

Доклад А. Лубоцкого *The Indo-European suffix *-ens- and its Indo-Uralic origin* был посвящен суф-

фиксу, который несправедливо обойден авторами работ по индоевропейской морфологии и который, как правило, реконструируется только в слове **meh₁-ns-* ‘месяц’. Этот суффикс можно выделить в следующих лексемах: 1) **g^hh₂-ens-* ‘гусь’, от корня **g^heh₂-* ‘зевать’, 2) **g^{wh}r-ens(o)-* ‘жара’, от корня **g^{wh}er-* ‘быть горячим’; 3) **dh₁-ens-* ‘густой’, от корня **deh₁-* ‘связывать’, 4) в предлоге **trh₂-ns* ‘через, поперек’, от корня **terh₂-* ‘пересекать’, 5) **meh₁-ns-* ‘месяц’, от корня **meh₁-* ‘измерять’. В последнем случае сложность представляют германские и балтийские формы, для объяснения которых обычно восстанавливают парадигму ном. sg. **meh₁nōt*, асс. sg. **meh₁nes-m*, gen. sg. **meh₁ns-es*. Однако, чтобы получить наблюдаемые германские и балтийские формы из этой парадигмы, приходится постулировать многочисленные аналогические перестройки. Если же прибегать к аналогии, то, как показывает А. Лубоцкий, германские и балтийские формы могут быть возведены и к праформе **meh₁-ns-*, восстанавливаемой по данным остальных индоевропейских языков. Семантика образований с суффиксом **-ens-* совпадает с первоначальной семантикой причастий на **-ent-*, сохранившейся в анатолийских языках: при переходных глаголах они обозначают объект, а при непереходных — субъект действия. От форм на **-ens-* путем конверсии могли образовываться глаголы. Так, глагол **d^huens-* (= **d^huH-ens-*) ‘разбрызгивать, распылять, крошить’, образован от именной формы на **-ens-* со значением ‘пыль, порошок’, в свою очередь производной от глагола **d^heuH-* ‘трясти, тереть’ (‘пыль, порошок’ как что-то ‘стертое’). Глагол **kens-* ‘объявлять’ нельзя отделять от семантически близких глаголов **keH-* ‘проводглашать’ и **keHs-* ‘учить, наставлять’. Это значит, что его нужно анализировать как **kh₁-ens-*. Имя, от которого образован этот глагол, возможно, сохранилось в др.-инд. *śamsa-* m. ‘хвала, мнение, суждение’. Можно также указать на праиндоиранский глагол **srans-* (> др.-инд. *sramṣ-* ‘падать, соскальзывать’), который можно сблизить с др.-инд. *sridh-* ‘ошибаться’ < ПИЕ **sleid^h-* (др.-англ. *slīdan* ‘скользить’ и др.). Эти корни представляют собой расширения ПИЕ **sel-* ‘прыгать’. Первоначально суффиксы **-ent-* и **-ens-* могли быть частью одной парадигмы, образовавшейся в результате перехода индоуральского **t* > **s* перед **i* (т. е. в данном случае в локативе). Эти суффиксы могут быть родственны уральскому именному суффиксу **-nt-*, давшему прасамодийские презентные причастия на **-ntV*.

Р. А. Пут в докладе *Is the “tēzzi principle” a plausible inference?* предложил радикально пересмотреть

традиционную реконструкцию праиндоевропейской глагольной системы. Согласно сформулированному М. Мальцан «принципу *tēzzi*», в анатолийских и тохарских языках новые основы презенса могли образовываться от унаследованных основ аориста путем замены вторичных окончаний первичными. Примером такой инновации служит хеттский 3 sg. pres. *tēzzi* 'говорит', восходящий к праиндоевропейскому корневому аористу **d^heh₁-t*. По мнению докладчика, противопоставление основ презенса (= имперфектива) и аориста (= перфектива), наблюдаемое в древнегреческом и древнеиндийском, сложилось уже после распада последнего общего предка греческой и индоиранской ветви, т. к. в парах «основа презенса — основа аориста» от одного корня разные языки, как правило, выбирают разные типы презентных или аористных основ. Так, от корня **g^wem-* 'идти' и в древнеиндийском, и в греческом образуется корневой аорист: др.-инд. *ágan*, др.-греч. *βάτην* (3 du.), но основа презенса образуется по-разному: др.-инд. *gáčhati* (< **g^wem-ske-*), но др.-греч. *βαίνω* (< **g^wem-je-*). Типологически вероятным диахроническим источником имперфектива (основы презенса в традиционной терминологии индоевропейистики) является прогрессивный аспект. По мнению докладчика, прогрессивный аспект в праиндоевропейском образовывался с помощью показателя **-i*, вошедшего в состав первичных окончаний. Переход прогрессива в имперфектив привел к тому, что немаркированные с точки зрения вида формы стали восприниматься как перфектив; так возник корневой аорист. Формант **s* сигматического аориста, первоначально, по мнению докладчика, входил в состав особых окончаний 2 и 3 л. ед. ч. и лишь в постпраиндоевропейскую эпоху был переосмыслен как часть основы. Тот факт, что формы, соответствующие «греко-арийскому» корневому аористу, могут функционировать в анатолийском как презенсы, не является следствием «принципа *tēzzi*», а отражает вторичность категории вида в индоевропейских языках.

Доклад Д. Хауга и А. Сидельцева *Indo-Hittite Syntax?* рассматривал известную особенность хеттского синтаксиса: использование относительных и вопросительных местоимений вместо неопределенных в условных придаточных и (реже) в отрицательных предложениях. Подобная особенность засвидетельствована практически во всех ИЕ языках, кроме армянского и тохарского. Однако в древнехеттском в таких случаях использовались только неопределенные местоимения. Другие анатолийские языки, для которых есть релевантные

данные (лувийский, ликийский), ведут себя так же, как древнехеттский. В связи с этим рассматриваемую особенность средне- и новохеттского синтаксиса нельзя напрямую связывать с аналогичным явлением в «узкоиндоевропейском». Употребление относительных и вопросительных местоимений вместо неопределенных должно рассматриваться как независимая параллельная инновация в истории хеттского языка и в «узкоиндоевропейском». Такая инновация может быть доводом в пользу индохеттской гипотезы.

Доклад Ж. Отье *Reconstructible typological features of Proto-East Caucasian* посвящен рассмотрению типологического профиля восточнокавказских языков в ареальном аспекте. Для восточнокавказских языков характерны небольшой набор гласных, большой набор согласных, включающий глоттализированные и лабиализованные, а также «сильные» смычные, развитая система родов (именных классов), эргативное маркирование основных актантов, согласование именных определений с вершинным словом, редупликация как показатель глагольного вида и аблаут в именном словоизменении. Многие из этих типологических черт характерны также для праиндоевропейского, но ни одна из них не восстанавливается для прауральского. По мысли докладчика, это может свидетельствовать о продолжительном периоде интенсивных контактов между праиндоевропейским и правосточнокавказским.

Т. Марки и Дж. Коларуссо в докладе *Supplementing the Comparative Method: Exaptation and Proto-Indo-European as a Caucasian Language* развивают предложенную Дж. Коларуссо гипотезу индоевропейско-западнокавказского родства. По мнению докладчиков, одним из признаков дальнего языкового родства может быть смена функций родственных форм, которую докладчики обозначают взятым из эволюционной биологии термином «экзаптация». Примером такой «экзаптации» служит постулируемое авторами доклада соответствие западнокавказских комплексов «преверб + глагольный корень» индоевропейским основам вида «глагольный корень + суффикс» (по Бенвенисту), где западнокавказскому превербу соответствует индоевропейский корень.

Доклад А. Бомхарда *The Origins of Proto-Indo-European: The Caucasian Substrate Hypothesis*, зачитанный в дистанционной форме (с помощью Skype), посвящен обоснованию гипотезы о влиянии западнокавказского субстрата на развитие праиндоевропейского языка. По мнению докладчика, эту гипотезу подтверждают как типологические сходства между двумя праязыками, так и приведенные

докладчиком многочисленные лексические сходения между празападнокавказским и праиндоевропейским.

М. Пейро в докладе *Indo-Uralic, Indo-Hittite and Indo-Tocharian* рассмотрел значимость отдельных архаизмов в тохарском для внутренней и внешней классификации индоевропейских языков. К числу таких архаизмов относится тох. АВ глагол *yok-* ‘пить’, вместе с хетт. *eku-zi / aku-* ‘пить’ восходящий к ПИЕ **h₁eg^{wh}*. Этот глагол можно сравнить с прауральским **juye-* ‘пить’. М. Пейро предлагает восстанавливать праиндоевропейский глагол ‘пить’ как **eku-*. Конечный огубленный гласный вызвал лабиализацию велярного в индоевропейском (конечный **-e* в уральском не препятствует такой реконструкции, т. к. для прауральского не восстанавливается **u* непервого слога); начальный **j-* в уральском может быть результатом преломления индоевропейского **e-*. Второй пример индоевропейского архаизма в тохарском — основа вопросительных местоимений на **m-*, сосуществующая в анатолийском и тохарском с основой вопросительных местоимений **k^wi-* / *k^wo-*. В тохарском от нее образованы вопросительные слова А *mānt* ‘как’, В *māksu* ‘который’, В *mākte* ‘как’. Эту основу можно сравнивать с прауральским вопросительным местоимением **mz-* ‘что’ (другое уральское вопросительное местоимение, **ke* ‘кто’, соответствует индоевропейскому **k^wi-* / *k^wo*). Докладчик приходит к выводу, что, несмотря на приведенные архаизмы, доводы в пользу «индотохарской» гипотезы (согласно которой после отделения анатолийской ветви от праязыка отделилась тохарская ветвь, и лишь затем произошло разделение оставшихся ветвей) слабее, чем доводы в пользу индохеттской гипотезы. Если индотохарская гипотеза верна, тохарский гораздо ближе к «ядерному индоевропейскому» (nuclear Indo-European), чем к праиндохеттскому.

Доклад Ж.-Ж. Пино *About the “distant” relationships of Tocharian* состоял из нескольких наблюдений над историей тохарских языков. В первом из них рассматривается тох. В слово *kerçapo* ‘осел’, которое, по мысли докладчика, не может быть когнатом др.-инд. *gardabhā-* ‘осел’: ожидалось бы пратох. **kærśāpæ*. Вместо этого докладчик предлагает анализировать тох. В форму как *ker-cāpo*, где *ker-* — заимствование из того же источника, откуда происходят др.-инд. *khāra-* и ав. *xara-* ‘осел’. Этим источником, вслед за А. Лубоцким, Пино предлагает считать незасвидетельствованный язык бактротархической археологической культуры. Второй компонент композита, **-cāpæ* — имя деятеля от глагола тох. АВ *tāp-* ‘объявлять, провозглашать’;

для него предполагается развитие ‘кричащий’ > ‘ревуший (об осле)’. Вторая тема доклада — этимология древнетюркского *törü* ‘закон’, которое Ж.-Ж. Пино считает заимствованием из пратохарского **tæräy* ‘способ, правило’ (> А *tiri*, В *teri*), в свою очередь заимствованного из др.-инд. *dharma-*. Также в докладе рассматривались история тохарских показателей комитатива и этимология тохарских сочинительных союзов.

Г. Карлинг в докладе *Testing the Indo-Hittite (Tocharian) hypothesis against various types of data sets: sound change, basic vocabulary, cultural vocabulary, and grammatical typology* представила компьютерную базу данных LUNDIC, разработанную университетом Лунда при участии А. Хольмера, Н. Йоханссона, Ф. Ларссона, Р. Фаррена, Й. ван де Вейера и других, которая предлагает новые методы оценки близости базового словарного запаса и установления родства языков. База LUNDIC содержит три типа данных: базисная лексика (100-словные списки Сводеша), типологические данные по грамматике (порядок слов, именная морфология, глагольная морфология и т. п.) и культурная лексика. Отдельно в рамках проекта рассматриваются данные по исторической фонетике. Сравнение дендрограмм, полученных в результате анализа разных типов данных, показывает, что раннее отделение анатолийского и тохарского хорошо подтверждается лексикой, несколько хуже — фонетическими изменениями и совсем не подтверждается типологическими данными.

Доклад отсутствовавшего на конференции П. Хеггарти *The Indo-Hittite and Indo-Uralic questions: Perspectives from archaeology, genetics, and Bayesian phylogenetics* был представлен К. Андерсоном. Основной задачей доклада является представление проекта IELex2 (Йена) и демонстрация моделей родства индоевропейских языков, разрабатываемых в рамках этого проекта. С точки зрения участников проекта, одним из инициаторов которого является Р. Грей, следует объединить биологов, лингвистов и специалистов по общественным наукам для решения вопросов человеческой истории. В основе проекта лежит база индоевропейской лексики И. Дайена. Одной из ближайших задач проекта является правка этой базы (изначально она содержала значительное количество ошибок). В частности, К. Андерсон в рамках проекта занимается выверкой кельтского материала. Дальнейшие задачи проекта — представление материала в квантифицируемой форме, его статистическая обработка и интерпретация, в том числе с применением байесовских методов. В ходе работы над про-

ектом в обработку моделей вносились определенные изменения; так, по-разному решалась проблема места древних языков в родословном древе (может ли засвидетельствованный письменно древний язык, например латынь, учитываться как непосредственный предок современных языков, например романских); такое решение должно не приниматься априори, а основываться в первую очередь на полученных статистических данных. Полноценный запуск проекта планируется в 2016 г.

Г. Старостин в своем докладе *Proto-Indo-European and Proto-Uralic among other proto-languages of Eurasia: a lexicostatistical evaluation* представил результаты работы московских лингвистов, участвующих в Ностратическом семинаре им. В. М. Иллич-Свитыча. Автоматизированное сравнение реконструированных 50-словных списков базисной лексики для праиндоевропейского и прауральского по методу «консонантных классов» демонстрирует 7 совпадений из 50. Применение «перестановочного теста» дает положительный результат: в зависимости от принимаемых консонантных классов вероятность получить 7 пар составляет 1,4% (< 5%) или 0,3% (< 1%), что указывает на неслучайность индоевропейско-уральских сближений. Поскольку эти сближения относятся к наиболее стабильному слою базисной лексики, гипотеза их контактного происхождения представляется маловероятной. Было проведено также сравнение реконструированных 50-словных списков базисной лексики для 170 языковых таксонов уровня группы в Евразии (сюда входят также афразийские языки в Африке и языки на-дене в Америке). Эти списки сравнивались как автоматизированно, по методу консонантных классов, так и «вручную» (при таком сравнении принимаются во внимание регулярные фонетические соответствия внутри общепризнанных языковых семей и исключаются заведомо ошибочные сближения). Оба метода сравнения показывают специфическую близость индоевропейских и уральских языков на фоне всех остальных языков Евразии.

Доклад Вяч. Вс. Иванова *Traces of Indo-Uralic or Nostratic in Anatolian* был представлен в видеоформате: докладчик не смог присутствовать на конференции. В докладе рассматриваются возможные индоуральские архаизмы в анатолийских языках. К их числу относятся хеттские спряжения на *-hi* и *-mi*, которые докладчик вслед за Е. А. Хелимским сопоставляет с уральскими субъектным и объектным спряжениями; основа вопросительных и относительных местоимений на *m-* (хетт. *mahhan* ‘когда’ и др.), сравниваемая с уральским вопроси-

тельным местоимением **mi* ‘что’; хеттское запретительное отрицание *lē*, родственное уральскому императиву отрицательного глагола **e-l-*. В лексике таким архаизмом можно считать хеттское слово *nega-* ‘сестра’, которое еще Б. Чоп предложил сравнивать с уральским **ñij-* ‘женщина’.

С. Клеменчич представила доклад на тему *Bojan Čop's Indo-Uralic hypothesis and its plausibility*. Словенский лингвист Б. Чоп (1923—1994) был одним из основоположников индоуральской гипотезы; его работы представляют собой наиболее полное и систематичное изложение индоуральской сравнительной фонетики. Б. Чоп планировал выпустить восемнадцать публикаций из серии *Indouralica*; всего в 1970—1989 гг. вышло 14 статей и книг из этой серии, и еще несколько статей остались неопубликованными. К сожалению, многие публикации Б. Чопа остаются труднодоступными. Используемые Чопом источники сейчас во многом устарели. Для праиндоевропейского Чоп пользовался словарем Покорного, для прауральского — работами Лехтисало и Коллиндера. Как отметила С. Клеменчич, несмотря на систематичность изложения, многие идеи Чопа недостаточно убедительны; фонетические законы зачастую постулируются им на основе этимологий с расплывчатой семантикой, в то же время многие из более убедительных сопоставлений не укладываются в предложенные Чопом правила.

А. Хюллестед в своем выступлении *Indo-Uralic: opinions, methods, and results* остановился на трудностях и проблемах, присущих сравнению на макроуровне, и основных претензиях, которые нередко предъявляются к подобным работам. Это в первую очередь источники, которыми пользуются лингвисты: нередко авторы компаративистских работ подходят к источникам некритично, слепо верят словарям. Еще одной частой претензией является то, что отдельные работы уже устарели. Как подчеркнул А. Хюллестед, дата публикации многих работ по индоевропеистике (словаря Покорного и других справочных материалов) не влияет на их использование в науке; устаревшая нотация, условность которой вполне очевидна (использование или неиспользование в реконструкции ларингалов и т. п.) также не влияет на полученные результаты. Среди других частых замечаний можно назвать встречающиеся в этимологических работах противоречия; неверное морфологическое членение отдельных лексем при выборе этимологии; проблемы семантики; использование «дескриптивных» слов.

Доклад В. Блажека *Indo-European dendronyms in perspective of external comparison* представил разно-

стороннюю трактовку индоевропейских дендронимов: были рассмотрены как лексемы, которые могут быть древними заимствованиями в/из индоевропейских языков, так и возможные ностратические параллели. Среди древних заимствований следует назвать индоевропейское слово для значения 'орех' $*H_2er-$, заимствованное из доиндоевропейского субстрата (сравни прабаск. $*huř$ 'лесной орех', прасевернокавказское $*?wār̥V$ 'орех'), латинское название лиственницы *larix* (ср. прабаск. $*leheř$ 'сосна'). Среди возможных заимствований из семитских языков можно назвать ПИЕ $*H_{ae}blu-$ 'яблоко' < прасем. $*?abul-$ 'плодовое дерево', ПИЕ $*H_{3/2}uerb-$ 'ива' < прасем. $*?urab-$ 'ива, тополь'. Из индоевропейских языков, в свою очередь, происходит правосточнокавказ. $*daro$ 'дерево' < праиндоиран. $*dāru$ 'дерево', а также прабаск. $*burki$ 'берёза' < гот. $*burki$ или $*burkja$ 'береза'. Наконец, к ностратическому наследию можно отнести ПИЕ $*selH-$ 'ива', ср. финно-угорское $*sala$ 'ива, вяз', юкагирское $*šāl$ 'дерево' и др.

Проблемы индоевропейской именной морфологии рассматривались в докладе С. Баухауса *PIE *-r as a locative case marker*. Докладчик обращает внимание на суффикс $*-r$ в праиндоевропейском вопросительном местоимении $*k^wōr$ 'где?' (> лат. *cūr*, вед. *kar-hi*, гот. *hvar*). Этот же формант можно выделить в таких изолированных примерах, как греч. $νύκτωρ$ 'ночью'. По мнению докладчика, $*-r$ здесь может быть старым окончанием локатива, противопоставленного директиву на $*-o$. Это предположение подтверждается такими формами, как ПИЕ $*uper$ 'над, наверху' и $*ipro$ 'под, внизу, снизу' < $*('снизу) вверх$ '. Окончания $*-r$ и $*-o$ могут быть старыми показателями локатива и директива, которые впоследствии были вытеснены локативом на $*-i$ и директивом на $*-m$ (= аккузативу), но сохранились в наречных формах.

Ш. Жолт в докладе *The alleged Proto-Indo-European loanwords in Proto-Uralic* рассмотрел корпус предполагаемых заимствований из праиндоевропейского в прауральский, представленный в работах К. Редди, Й. Койвулехто и др. По мнению докладчика, большинство этих сопоставлений должно быть отвергнуто по формальным (неясные фонетические субституции), семантическим (неточное совпадение значений) или дистрибуционным (не доказана праиндоевропейская древность слова-источника) критериям. Оставшиеся несколько сближений могут объясняться или случайностью, или заимствованием из до-протохарского языка. Согласно докладчику, из этого следует, что индоевропейские заимствования в прауральский не могут быть ар-

гументом в спорах о локализации индоевропейской прародины.

Обзор индоевропейско-уральских лексических параллелей с точки зрения исторической фонетики предложил Г. Кронен в докладе *Indo-Uralic lookalike sets, an etymological quick scan*. Пользуясь уральским этимологическим словарем К. Редди (UEW), докладчик нашел ряд индоевропейско-уральских лексических сопоставлений, на материале которых оказалось возможным установить систему регулярных фонетических соответствий. В частности, индоевропейскому $*s$ в уральском соответствуют $*s, *ś, *š, *ć, *č$ и $*Ti$ ($T = *t, *δ$); индоевропейским звонким смычным — уральские носовые $*m, *n, *ń, *ŋ$ (ср. выше о сходных выводах М. Кюммеля); индоевропейским неначальным глухим смычным — уральские геминаты $*-pp-, *-tt-, *-kk-$; индоевропейским палатальным, велярным и лабиовелярным — уральские велярные рядом с передними неогубленными, задними неогубленными и огубленными гласными соответственно; индоевропейским $*h_1$ и $*h_2$ — уральские $*kälē$ и $*ka$. Среди приведенных в докладе сопоставлений можно отметить такие, как ПИЕ $*sek^w-$ 'говорить, рассказывать' — ПУ $*šoke-$ 'повторять, говорить'; ПИЕ $*h_1eus-$ 'гореть' — ПУ $*küče-$ 'тлеть'; ПИЕ $*h_2eus-$ 'заря' — ПУ $*kudi$ 'утро'; ПИЕ $*(H)uer-$ 'белка' — ПУ $*ora$ 'белка'; ПИЕ $*(H)og-$ 'ягода' — ПУ $*äŋV-čV$ 'малина'; ПИЕ $*Heud^h-$ 'плести' — ПУ $*kuda$ 'плести'. Однако, по замечанию докладчика, материал, на котором устанавливаются эти соответствия, достаточно скуден; не исключена возможность, что часть сопоставлений или все они являются результатом заимствований, а не исконного родства.

Доклад Р. Льюр *Headedness in Indo-Uralic* посвящен сравнению синтаксиса древнейших индоевропейских языков — хеттского и ведийского — и старовенгерского (древнейшего письменно документированного уральского языка). Хотя как для праиндоевропейского, так и для прауральского постулируется основной порядок слов SOV, связанный с «левым ветвлением», в частности порядок слов в рассматриваемых языках отличается. Так, в хеттском приименной генитив может стоять как до, так и после имени, а для уральского характерна препозиция зависимого слова в именной группе. Для хеттского характерны постыменные относительные предложения, в то время как в уральских языках возможны и пре-, и постыменные относительные предложения.

Доклад Р. Матасовича *Ergativity in Proto-Indo-European and the Indo-Uralic hypothesis* продолжил темы индоевропейского рода и падежной системы,

которые раньше уже разрабатывались во многих работах исследователя. Гипотеза о том, что праиндоевропейский был эргативным языком, строго говоря, недоказуема. Тем не менее она помогает объяснить ряд особенностей праиндоевропейского языка, таких как маркированный номинатив, наличие особой формы вокатива, принадлежность многих неодушевленных имен к общему (мужскому или женскому) роду, сходство окончаний номинатива и генитива в единственном числе и т. п. Гипотеза о эргативности праиндоевропейского вступает в противоречие с индоуральской гипотезой или с общепринятой реконструкцией прауральского как аккузативного языка. Докладчик рассматривает выдвинутые недавно гипотезы о возможной эргативности прауральского и приходит к выводу о их неубедительности. Гипотеза о эргативности праиндоуральского выглядит еще более слабой. Можно было бы предположить, что индоевропейский приобрел эргативность в результате контактов с кавказскими языками, однако это достаточно сложный исторический сценарий. Отсутствие убедительных доводов в пользу эргативности прауральского остается проблемой как для гипотезы о эргативности в праиндоевропейском, так и для индоуральской гипотезы.

Доклад М. Живлова *Indo-European laryngeals and their Indo-Uralic and Nostratic precursors* был посвящен уральским и алтайским соответствиям индоевропейских инлаутных ларингалов. В интервокальной позиции и после носовых сонантов ларингалам, как правило, соответствуют уральские и алтайские веллярные смычные и фрикативные. Индоевропейским сочетаниям носового сонанта с ларингалом в уральском и алтайском соответствует веллярный носовой: ПИЕ **sm̥H-* ‘лето’ — ПУ **suŋi* ‘лето’, ПИЕ **senh₂-* ‘искать’ — ПУ **soŋi-* ‘желать’, ПИЕ **t̥h₂ey-* ‘тонкий’ — пратунгусо-манчжурское **taŋa* ‘тонкий’, ПИЕ **h₂enh₂t-* ‘утка’ — пратюркское **aŋit* ‘утка’. По мнению докладчика, индоевропейские ларингалы могут восходить к ностратическим и индоуральским увулярным смычным и/или фрикативным.

П. Каллио в сообщении *Internal and external evidence for the Pre-PIE conditioned sound change *t > *s* начал с историографического обзора вопроса об индоуральском родстве. Это понятие было впервые предложено В. Томсеном (1869); среди других предшественников ностратики в XIX в. можно назвать Н. Идмана (1716—1790) и его *Recherches sur*

L’Ancien Peuple Finois (1778), Л. Дифенбаха (1806—1883) и Д. Э. Европеуса (1820—1884), который в 1863 году в книге *Der Urstamm der indoeuropäischen Sprachenfamilie und seine vor-indoeuropäischen Abzweigungen, namentlich die finnisch-ungarische* построил первое древо «ностратических» языков.

Идея о переходе **t > *s* в предыстории праиндоевропейского была высказана еще Б. Чопом и обсуждалась П. Схрейвером и Ф. Кортландтом. В доказательство этого положения Б. Чоп приводил, например, сравнение ПУ **kätä* — ПИЕ **ǵʰes-* ‘рука’ и ряд параллелей из области морфологии. Среди последних можно указать на следующие: глагольное окончание 2 sg. ПУ **-t* — ПИЕ **-s(i)* (первичность **t* подтверждается здесь сравнением с личным местоимением второго лица), именные окончания nom. pl. ПУ **-t*, ПИЕ **-es*, abl. sg. ПУ **-tA*, ПИЕ **-os* (но **-et* в ряде местоимений и в *o*-основах). Чтобы объяснить сохранение **t* в последнем случае, докладчик предложил, что **t(i)* переходило в **s(i)* после неначальных безударных гласных. В качестве примера можно привести аблатив односложных местоимений: ПУ **min-tä* — ПИЕ **h₁me-t* ‘от меня’ vs. ПУ **sēnâ-ta* — ПИЕ **snh₁-yén-s* ‘жила’. В заключение своего доклада П. Каллио пожелал успеха всем коллегам, работающим в области дальнего родства; с его мнением — «что бы люди ни думали о ваших взглядах, справедливость восторжествует!» — согласилось большинство присутствующих.

В завершение конференции А. Клуххорст провел своего рода экспресс-опрос аудитории, попросив поднять руки сторонников индоуральской, индохеттской и индотохарской гипотез. Оказалось, что большинство присутствующих поддерживают индоуральскую и индохеттскую гипотезы, в то время как сторонники индотохарской гипотезы оказались в меньшинстве. Присутствующих также спросили, привела ли прошедшая конференция к тому, что их отношение к упомянутым гипотезам изменилось. Некоторая часть аудитории ответила на этот вопрос положительно.

В заключение нашего обзора хотелось бы поблагодарить сотрудников и персонал Лейденского университета и лично А. Лубоцкого и А. Клуххорста за саму идею конференции и за превосходную ее организацию, за создание комфортной и дружелюбной атмосферы и возможности для лингвистов из разных стран и школ обсуждать новые идеи и направления исследований.